

Арнелия Волховских

ЖИЗНЬ СРЕДИ СМЕРТИ

хроники одного года

Мисец Листопад

первая часть

Арнелия Волховских

Жизнь среди Смерти.

Хроники одного года. Часть 1

«Автор»

2026

Волховских А.

Жизнь среди Смерти. Хроники одного года. Часть 1 /
А. Волховских — «Автор», 2026

Октябрь 2079 года. Русское Поморье. Пять лет назад Мир раскололся на жизнь под чародейным Куполом и братскую могилу. Кася Мезенцева, дочь астрофизиков и внука северных славянских Ведарей, мечтает о чародейной медицине, но учится пока в медуниверситете. На её пути к цели не только мама-скептик, но и неожиданное вмешательство тех, кто устроил ядерный погром на Земле ради своих корыстных целей. Силам Мирового Хаоса противостоят Силы Мирового Порядка. Властитель Междумирья готов на всё, чтобы вернуть пространство, захваченное когда-то Богом Родом и превращённое в упорядоченную и благодатную Родину. Кася со своими друзьями и родными — в самой гуще этого поединка. Противник коварен и беспощаден. Но люди опираются на северные славянские традиции, соединяющие их с Родными Богами и Предками. А Сила Богов безгранична. Только сумеют ли герои правильно распорядиться своим преимуществом?

© Волховских А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга первая	6
Часть первая	7
От автора	8
Пролог	9
Глава 1. Скатерть бела весь свет одела	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Арнелия Волховских
Жизнь среди Смерти.
Хроники одного года. Часть 1

Книга первая

Мисяц Листопад, Лета 7587 от Сотворения Мира (октябрь 2079)

Часть первая

Радости первого снега в стране белоглазой чуди

От автора

Они приходили всегда вчетвером. Чёрные плащи, припорошённые пылью Иномірных дорог, скрывали их фигуры от макушек до пят. Они никогда не называли своих имён. Я никогда не видела их лиц. Но всегда ощущала то ни с чем не сравнимое тепло и родство, которое бывает только между близкими людьми. То, что невозможно подделать. То, что не могут имитировать низшие. Любовь.

— Напиши, — говорили они.

— Но почему я?

— Вас мало, и нам не из кого выбирать, — отвечали они, будто оправдываясь.

— Мои знания не так уж обширны, чтобы писать, — возражала я.

— Это не важно. Напиши, чтобы зажечь других.

— Зачем?

— Чтобы вас стало много.

— Зачем?!

— Чтобы вы могли выжить.

Это был аргумент. Я обдумывала его почти два года. А они приходили и терпеливо ждали. Напиши!

В декабре 2023-го я сдалась.

История, зародившаяся за время раздумий, внешне вышла о молодых людях. Об их повседневности в непростых условиях жизни, дружбе, любви, семье и приключениях. И о чародействе, которое занимает у каждого своё место в жизни, но со временем становится жизненной потребностью.

А на самом деле эта история о кологодных славянских праздниках. О той скрытой от большинства из вас мощной системе взаимодействия с вашими предками, которая наделяет любого безграничными возможностями. Потому что Боги Родные нам, своим потомкам, завещали: быть счастливыми, богатыми, здоровыми и сильными чародейно.

Вы спросите: «Если Боги — значит, это про религию?» И я отвечу словами северной славянской Ведары Ольги Бояновой: «Вера в Родных Богов — не религия, а квинтэссенция народного опыта».

И вот мои герои протягивают вам руки — берите! Пользуйтесь. Опыт — это бесценно.

А я поведу вас от месяца к месяцу и от праздника к празднику. Дам заговорные слова и чары, сохранившиеся на Русском Севере со стародавних времён. Раскрою потаённый, наполненный глубокой целесообразностью смысл каждого действия и всей системы в целом.

Вы прикоснётесь к красоте, мудрости и силе наследия ваших пращуров — тех, кто в Яви, как и вы, жили, верви родов до вас длили. Кому вы обязаны вашим рождением. И кто взирает на вас, своих потомков, с любовью и заботой. Вот вам и моя рука. Идёмте!

Пролог

Источника света не было. Лучи сочились отовсюду — ровно и скупое. Серые камни, серая пыль, неподвижный серый воздух. Вытянутую руку ещё можно разглядеть. Но в десяти шагах — только серый туман. Белая Навь на поверку выглядела не такой уж и белой.

Анум сидел на краю обрыва, опираясь спиной на отвесный утёс и крепко обхватив колени, прижатые к груди. Здесь марево рассеивалось. Впереди и внизу простиралась бездна. В её глубокой, завораживающей черноте мигали яркие горошины звёзд. Они сливались посередине в сплошное мерцающее облако. Вальяжно плыли на его фоне тусклые диски далёких планет.

Между ними блистательными росчерками проносились залётные гости — кометы: неприметные булжники, что летят на окраинах дальних Миров вокруг загадочных, неразличимых отсюда дальних звёзд.

Обычная пыль, пленённая этими камнями, неслась с ними сквозь бесконечное пространство. И в тот краткий миг, когда свет очередной звезды отражался от пылинок, они превращали своих тюремщиков в восхитительные световые кинжалы, рассекающие плоть бездны.

Ближе всех к Ануму медленно поворачивалась тёмно-фиолетовая глыба, окружённая уродливыми астероидами и обожжёнными обломками, сплавленными в бесформенные груды. Чёрные пятна мёртвых материков и белёсые разводы атмосферного пара покрывали её поверхность.

Эта махина загоразживала собой и крошечный спутник, и своё светило. Поэтому с правого края она была обведена бледно-коричневым отсветом, а с левого сияла ярко-голубым. Оттуда, из-под голубого ободка атмосферы, в который раз выползало странное пятно неровной формы, пульсирующее всеми оттенками изумруда. И Анум, всматриваясь в эту непонятную зелень, в который раз ломал голову: что бы это могло быть?

Лес в некой аномальной зоне? После катастрофы на планете царили ночь и холод, пока она летала два долгих цикла вокруг своей звезды. Да когда и как бы он вырос, этот лес?!

Вокруг всё чёрным-черно... Значит, в других местах природа пока не пришла в себя. Тогда что? Может, гигантская плесень, развившаяся на органических останках в условиях ядерной аномалии? Или пары каких-то газов?

— Что же ты за дрянь такая, а? — Анум хмурил густые, взлёт смоляные брови и ещё крепче сжимал колени.

Сегодня он выглядел как восточный принц, возможно, даже арабский. Он видел таких на этой планете с зелёной блямбой и решил, что арабский принц — это роскошно. И загадочно. Загадочность ему сейчас не повредит. Правда, все эти принцы носили белые балахоны и какие-то платки на голове. Загадочно? Очень может быть. Но не роскошно.

Если уж трансформироваться, то так, чтобы это вскружило его подружке голову с первого взгляда. Поэтому он выбрал, конечно, личину принца со смуглым костистым лицом, украшенным аккуратно подбритой вычурной бородкой.

Но одет был на свой манер: в тёмно-лиловую гляцевую кожу, что изумительно обтягивала эту атлетически сложенную фигуру и открывала загорелую мускулистую шею. Не зря Анум так придирчиво подбирал и основу, и её облачение. Ему хотелось шика, но и свой природный облик подчеркнуть хотелось тоже.

Волосы Анум сочинил себе чёрные, густые, зачёсанные волной над узким высоким лбом и спадавшие сзади на плечи. Эффектно! И незачем прятать под разное всякое.

— Анум, сын Анукены, ты ли это? — раздалось змеиным шипением откуда-то сверху. И за шиворот ему посыпались мелкие камешки.

Он поднял голову. На крошечном уступе в сером мареве отдельно друг от друга двигались кисти рук, смеющееся лицо с тёмными чуть раскосыми глазами и босые ступни на цыпочках.

— Шиори! Ну наконец-то! — Анум вскочил и осторожно переступил, чтобы лучше видеть, что происходит наверху.

— Так это романтическое свидание? Далеко же ты забрался, друг мой, чтобы удивить меня.

— Свидание? Разве так я назвал нашу встречу?

— Ах, не свидание? Тогда к чему этот маскарад? — Ручка Шиори, отдельная от неразличимого тела, потянулась к нежной щёчке и легонько потрясла её.

— Это обличье тех, кто тут обычно шныряет. Зачем нам выделяться?

— Значит, танцев не будет? — рассмеялось личико. — И зря я выбрала тельце с длинными ножками и тонкой талией!

— Танцы? Я не думал, что ты танцуешь.

— А-ха-а-а-а... ты не думал! Да-да! Я поняла, — не унималась Шиори. — Вот прикид себе придумать сообразил. Во что это ты вырядился, кстати?

— Это? Это кожа зюмнора. А что?

— Нечестивые хюртры! Да ты ещё и в контрабанде! Кто же тебя снабжает такими вещами?

— Слушай, хватит! Какая ещё контрабанда? Зюмноров разводят в нашем семейном...

— Да ладно тебе! Всё понятно. Лови меня, красавчик!

Босые ножки подпрыгнули, обвалив очередную порцию мусора. И вся разрозненная конструкция спланировала вниз, прямо в протянутые руки Анума.

Вблизи стало ясно, в чём секрет такой дискретности. На Шиори был бледно-серый костюм с длинными узкими рукавами, капюшоном и тонкими шароварами. Он скрывал под матовой тканью её тело от шеи до щиколоток и запястий.

— Ты выбрала восхитительный образ. — Анум стянул с головы Шиори капюшон и пригладил рассыпавшиеся фиолетовые пряди подруги. — И я рад, что ты пришла.

— А уж как я рада! — отстранилась она от ласки. — Странное местечко, не находишь? Меня по дороге раза три чуть не сцапали эти... как их? Павьи? Мавьи?

— Навьи.

— Да, вот эти... гадость мерзкая, лысая, в бородавках, струпьях и чешуе.

— Ну, не сцапали же? Перехитрила их?

— И ещё встретила по пути каких-то придурков на жутких скотинах, — продолжила Шиори, не слушая и брезгливо морща прямой носик с еле заметной горбинкой. — А главный у них с такой зверской рожей, ты бы видел! В железе, громыхает, скрежещет. На голове ведро! Из-под него клоч седых волос по ветру. А в руках длинная палка с острой железякой, словно большой серп. У-у-у-у!

— А они тебя заметили?

— Да какое там! Как выскочили, как промчались мимо — фьить! — Шиори махнула рукой, показывая, куда умчались стражники на лошадях, и набрала в грудь воздуха для новой тирады.

Но Анум остановил её болтовню, крепко схватив за затылок одной рукой и закрыв ей рот ладонью другой. Шиори помотала головой, возмущённо округлив глаза. Но от ладони на губах не избавилась и покорно сникла.

— Хватит! Я позвал тебя показать кое-что, — сказал он, убедившись, что одержал победу над словесным потоком подружки.

— Интересненько. — Шиори устроилась на краешке и беззаботно свесила ноги с обрыва. — Что там?

— Там планета, которую мне поручил твой отец.

Анум сел позади, для безопасности обхватив ногами её стройные бёдра и на всякий случай обняв за талию. Он знал, какой непоседой она порой бывает. Ловить её, пересекая границы внутренних Миров, в его планы совсем не входило.

— Ах да! Поди туда — не знаю куда, и сделай то — не знаю что. И исправь всё, что напортачил мой братец. — Шиори закинула голову ему на плечо и рассмеялась, показывая мелкие белые зубки.

— Ну... в общем и целом, да.

— И чтобы красиво и быстро. Очень похоже на папашу.

— Если ты помнишь, я сам вызвался.

— Помню-помню. Льюда.

— Аборигены зовут её смешно — Земля.

— Зем-ля-ля-ля... Вот так имечко! Хозяйство дядюшки Вышня?

— Не Вышня, а одного из его сыночков.

— Да не важно! Так ты её заполучил уже. Нет?

— Если бы! Тут задачка похитрее. Вон, смотри. — Анум указал на планету, где зелёное пятно уже уползло за коричневую кромку, будто ехидно подмигивая им напоследок.

— Это и есть Льюда?

— Угу.

— Забавная планетка. И в чём хитрая хитрость? — Шиори с любопытством рассматривала пространство, открывающееся под её легкомысленно болтающимися ногами.

— Видишь зелёное пятно? Вон там, на самом краю справа.

— Да. Что это?

— Если бы я знал!

— Исчерпывающе, — фыркнула Шиори. — А что ты знаешь?

— Ещё недавно ничего этого не было, — грустно вздохнул Анум. — Оно то зелёное, то жёлтое, но в основном белое с зелёным и... знаешь, периодически растёт. Вот смотри!

Он провёл ладонью справа налево, и серый воздух потянулся за его пальцами, где-то сгущаясь в чёрные тонкие полосы, а где-то становясь прозрачным. Пелена, струившаяся за пальцами, на мгновение скрыла всё, что было дальше ладони: чёрную бездну, звёзды и эту ненавистную планету с её непонятками.

Когда Анум сжал серую полосатость в кулаке, перед ними открылось то же пульсирующее и дышащее пространство, но заметно изменившееся. Будто чья-то невидимая рука взяла разноцветные мячики планет и переставила их с места на место.

Слева от Льюды теперь виднелись её карлик-спутник и приличный кусок той звезды, вокруг которой она летала. В её лучах один бок планеты стал похож на глиняный горшок, расписанный синим и чёрным. На ней то там, то тут были видны яркие вспышки.

Время от времени проплывали большие рваные тучи, подсвеченные белыми и красными всполохами. Над ними, оставляя жёлтые и ослепительно-белые следы, носились навстречу друг другу едва различимые предметы.

— Это день катастрофы, — тихо сказал Анум.

— Ничего себе!

— Да, себе ничего. Всё нам, — усмехнулся Анум.

— Старая шутка, — осадил его Шиори. — Лучше скажи, что это летает туда-сюда?

— Ракеты. Ядерная бомбардировка.

Несколько минут она внимательно наблюдала за происходящим на Льюде.

— Так там никто не выжил, что ли? — увидев, как вспышки сливаются и превращаются в сплошной огненный ковёр, спросила Шиори.

— Ой, ну ты скажешь! — фыркнул Анум. — Я же не такой идиот, чтобы сначала всех угробить, а потом из-за этого летучего склепа бодаться с бесчисленными отпрысками Вышня.

— Значит, там всё же кто-то остался?

— Только наши креатуры и немного...

— Креа... кто?

— Те, кто за меня.

— Ты их что, сделал бессмертными? Законсервировал?

— Слишком много чести, — надменно повёл плечом Анум. — Они вырыли себе глубокие норы. Натаскали туда всякой всячины. И могут жить теперь, пока мы им не позволим выйти наружу.

— А-а-а... Разумно. А остальные? Те, кто не за тебя?

— Некоторые должны были исчезнуть.

— В смысле, сдохнуть?

— Ну да.

— А другие?

— Их долго обрабатывали для... — Анум потербил переносицу, ища слова подступнее, но не нашёл, — для устойчивости к этому всему. В общем, они должны были выжить.

— Обрабатывали? Это как? Сделали негорючими? — тонкие брови Шиори удивлённо взлетели.

— Да нет, что ты! Они остались биологическими, и многие сгорели. Но те, кто нашёл, где спрятаться, были уже приспособлены к новым условиям.

— Как всё сложно! Как можно было приспособить этих уязвимых тварей к жизни в таком пекле?

— Вводили им в кровь некоторые... э-э-э... м-м-м... вещества. Тем, кто после этого выжил...

— О-о-о! Так и тут были потери?

— Да, слабые экземпляры погибли. Некоторым вообще не смогли ничего ввести. Но всех оставшихся потом дополнительно обрабатывали, распыляя специальные... определённые... э-э-э... дополнительные вещества...

— Это как? Одни ходили и пшикали другим в морду?

— Нет, зачем? — рассмеялся Анум, живо представив эту картину. — У них есть примитивные летательные аппараты. Вот с них.

— Сколько хлопот для выживания...

— Разные были цели. Для этих букашек, льюдов, распыляли ещё смеси, чтобы управлять их поведением. И лишних выбраковывали.

— Надо понимать, тех, кто не очень управлялся, — засмеялась Шиори.

— Ты проницательна, как всегда, — с нежностью произнёс Анум, прижимая подружку покрепче.

— Ах, оставь это всё, — нетерпеливо дёрнула плечом она. — Лучше скажи, как тебе удалось уболтать льюдов на такое безумие?

— Для начала я за несколько поколений понизил им уровень интеллекта. Знаешь, когда всё можно получить без малейших усилий. И уж втереть программу под разными благовидными предложениями было проще простого.

— Это какими?

— Ну... если коротко, то для торгашей — о дополнительных барышах, для элиты — об исключительном положении, для плебса — забота о здоровье... о климате...

— О климате? Ух ты! Красивое враньё!

— Какое враньё?! Мы им и климат меняли.

— Ловко, — Шиори одобрительно похлопала Анума по коленке. — Одного не пойму. Тебе удалось купить одних. А других запрограммировать на послушание. Зачем тогда понадобилась эта заварушка? А главное, что после неё с твоими планами по мирной сдаче планеты?

— Это же людюды! — презрительно скривился Анум, оттопырив губу и сморщив нос. — У них всегда находились те, кто блял собственные песни.

— Поэтично, — усмехнулась Шиори. — А конкретика будет?

— Какую конкретику ты хочешь? Что среди нормальных персонажей у них катастрофически много слишком независимых и догадливых? — возмущённо вскинулся Анум, вспомнив, как его простой, почти идеальный план рухнул по совершенно абсурдным причинам. — Или что есть целое государство, кстати, с самой большой территорией, которое вообще со всеми не в ногу?

— Ничего не поняла! Какие ноги? Какая территория?

— Та, где эта поганая зелень и плодится! Я же объясняю: самая большая по территории страна вместо того, чтобы выбрать удобный способ самоубиться, начала подбивать жителей на взрывное размножение. А остальные страны — склонять к объединению против тех, кто мне уже покорился.

— Не подействовали твои опрыскивания?

— Сначала они повелись. Но потом резко отказались. Справедливой жизни им захотелось! Хотя у меня среди них было полно агентов влияния. А толку? Они вспомнили про честь и совесть! Я эту стародавнюю ересь замучался выводить!

— Ещё скажи, что моя семья во всём виновата, — обиделась Шиори, восприняв раздражение Анума на свой счёт.

— А кто же ещё? — Анум подобрал первый попавшийся камень и зло швырнул его в бездну. — Это вообще фишка твоего семейства: сначала наворотить дел, бросить на полпути и искать, кто за вас разгребёт.

— Ладно-ладно, признаю, наши мальчишки заигрались на этой планете в солдатиков, — сбавила тон Шиори.

Она вовсе не собиралась ссориться с потенциальным женихом из-за вечных афер своих родственников. В конце концов, в её интересах было помочь Ануму с этой проблемой, а не отстаивать честь братьев-придурков.

На обрыве на некоторое время воцарилась тишина.

— Послушай, — не выдержала первой Шиори, — я даже готова признать, что без войны тут уже было не обойтись. И ты сделал всё, что только можно. Ну? Мир?

— Мир, — недоверчиво покосился на подружку Анум.

— Тогда объясни мне, — вкрадчиво проворковала Шиори, — как ты планировал, чтобы выжили те, кто не попал в норы? Ведь в случае конфликта они надолго остаются без ресурсов, верно?

— А мы посадили их на специальный корм, чтобы после всего этого, — Анум ткнул длинным сиреневым ногтем в огненный вихрь на планете, — уцелевшие на поверхности могли прокормиться самостоятельно.

— Ого! Как всё продумано! А что за корм?

— Их учёные выяснили, что после ядерной бомбардировки среди биологических существ выживут некоторые насекомые.

— И ты заранее приучил людюдов питаться ими? — догадалась Шиори.

— Ну да. Я до последнего пытался удерживать под контролем тамошние процессы. Но когда против моих стран создали куда более мощный союз, то...

— Ты решил так поквитаться с непокорными?

— Поквитаться! Скорее защититься. Но эту бойню развязали только после того, как у моих подопечных всё было готово: норы, население, сменившее рацион и перенесшее несколько мутаций... Всё должно было сработать.

— Это ты, что ли, всё так хитро придумал? — Шиори оторвала взгляд от Людюды и с восхищением посмотрела на Анума.

— Я поставил им конечную цель, а они уже сами разработали детали, — самодовольно раздул ноздри Анум.

— Им?

— Элитам.

— Похоже, не очень-то они разработали, раз у тебя проблемы, — хмыкнула Шиори и разочарованно отвернулась к бездне.

— Всего не предусмотреть!

— Послушай, а зачем было мудрить с теми, кто остался без нор? Пусть бы погибли.

— А кто будет восстанавливать всё, когда планета придёт в норму? В норах спрятались избранные и минимальная obsлуга. Когда они выйдут, им понадобятся рабы для тяжёлых работ.

— Избранные — это учёные?

— Нет, это собственники ресурсов. Тупые, как пробки! — Анум рассмеялся, вспоминая, как ловко поймал эту публику на посулы и подачки. — И жадные. С ними всё элементарно.

— Но сами они ничего не могут, — догадалась Шиори. — Ясно.

— Кроме того, мне нужна массовка, которая решит мне всё сдать.

— Понимаю. Одно дело — кучка балбесов, и совсем другое — всё сохранившееся население.

— Да. Формальности никто не отменял.

— А сколько ты планировал оставить этого населения?

— Миллионов пятьдесят, сто максимум. После последних мутаций они в большинстве своём не размножаются, кроме парочки миллионов самых-самых высокопоставленных. Их потомков я бы потом тихо зачистил каким-нибудь катаклизмом.

— А сколько их тут было до бомб?

— Около девяти миллиардов.

— Масштабно.

— В смысле?

— Зачистка, говорю, впечатляет размахом.

— Да только, похоже, что-то пошло не так.

— Откуда паника? Из-за зелёной плесени? Да мало ли что там после взрывов смешалось и позеленело. Пары солей меди или хрома, например.

— Меди? Хрома? Знаешь, а это забавно: на Льюде эти металлы тоже так называют.

— Забавно? Вспомни, кто у них монополизировал металлургию с алхимией.

— Ты думаешь...

— Я не думаю, я знаю. Они похвалялись этим, я сама слышала.

— Твои братья наворотили дел...

— Да уж. Но, похоже, у тебя тоже успехи не очень.

— Не очень — это мягко сказано! И на «смешалось» не похоже. Вот... смотри. — Анум снова провёл ладонью, но коротко и в обратном направлении.

Рассеявшаяся полосатая пелена обнажила картину: планета немного сместилась влево и заметно приблизилась. Теперь её спутник висел прямо под ногами. Казалось, что с их обрыва можно запросто на него перепрыгнуть.

— Видишь? Там, ближе к полюсу? — указал пальцем Анум.

— Да, какое-то мутное пятнышко.

— Это через два цикла после катастрофы. А вот это, — Анум снова провёл ладонью перед собой, — смотри! Через четыре.

— Ага, вижу. Гораздо больше. И уже жёлтое.

— То-то! А сейчас — ты видела? Оно занимает примерно двадцатую часть всей суши и, кажется, выползло кое-где на моря.

— И всё время растёт?

— Да нет... — Анум снова нервно потеревил переносицу. — Оно растёт как-то рывками. Нет-нет, а потом — бах! И новый большой кусок.

— Есть какая-то закономерность между «нет-нет» и «бах»?

— Закономерность? Да вроде не заметил.

— А на самой Льюде как это выглядит?

— Говорят, как силовое поле. С одной стороны пустырь в тумане, с другой — тоже. Но не пройти... и не облететь.

— Даже тебе?

— Никому... — вздохнул Анум.

— Интересненько... А сам ты там был?

— А зачем?

— А зачем вообще смотреть всё своими глазами?

— Хочешь, свожу тебя на экскурсию? — зло хохотнул Анум. — Там как раз заждались таких, как мы.

— Пф-ф-ф! К чему мне твоя экскурсия? — парировала Шиори, будто не заметив яда в его словах. — Тут уже не смотреть надо. А кардинальное решать. Сколько времени тебе дал мой отец?

— Двести семьдесят пять циклов Льюды вокруг её звезды.

— И сколько осталось?

— Девятнадцать...

— Значит, времени мало.

— Поэтому я и хотел тебе показать...

— Да понятно! — отмахнулась Шиори. — Надо придумать, как побыстрее разузнать, что там за этим... как ты назвал? Силовым полем? Может, пустяки.

— А может, какая-то аномалия, которая сорвёт все мои планы... наши планы...

— Да-а-а... отец тебе этого не простит... — задумчиво сказала Шиори и потянулась, закинув руки за его голову. — Тогда плакала моя свобода.

— Думаешь, не отдаст тебя мне? — проворковал Анум, потираясь бородатой щекой о её обнажившуюся руку.

— Анум, не строй из себя дурачка! Конечно, не отдаст. Он же ясно сказал: я достанусь в жёны тому, кто вернёт это пространство в юрисдикцию Хаоса.

— Да помню я, помню! Что делать будем?

— Пока что выбиратья отсюда.

Шиори решительно высвободилась из объятий Анума и, опираясь на его плечи, поднялась.

— Пойдём! Будем думать, — жёстко сказала она.

Анум поднялся вслед за ней.

— Что-то ты раскомандовалась, — проворчал он. — Я ведь могу и передумать жениться на такой зазнайке. Тогда гори оно всё синим пламенем вместе со своими зелёными блямбами.

Глава 1. Скатерть бела весь свет одела

Кася проснулась от настойчивого аромата, доносящегося из кухни, и яркого света. Наглый ослепительно-белый луч пробился между полотнищами занавесок и решил упредить радиоточку, которая спозаранку начинала свою жизнь классической музыкой. Пахло, скорее всего, блинчиками. Или оладушками. Или, на худой конец, гренками.

Соскочить с кровати ногами на оленью шкуру, пробежать босыми ступнями по вощёным доскам пола до противоположной стены и раздёрнуть занавески на окне — дело одной секунды. Р-р-раз! Вот это да!

За окном — картина маслом! Вернее, акварелью. Солнце лениво всплывает из-за дальних угоров на задумчиво-голубой небосвод. Оно, припудренное лёгкой утренней дымкой, ровно и нежно заливает розовым светом искрящуюся роскошь снега и инея.

А ведь только вчера земля двора — чёрная, в бурых пятнах пожухлой травы, набухшая водой — наводила беспросветную тоску. Зато теперь всё белоснежно, торжественно и недвижно. Будто декорация в волшебном театре.

Так и хочется распахнуть окно и очутиться в сказке, где сцену от туманной, таинственной перспективы отделяет заиндевшая, будто замшевая изгородь, а ёлка обнимает плюшевыми лапами летнюю кухню, превратившуюся за ночь в волшебную пряничную избушку, обсыпанную искристой сахарной пудрой.

Толстая, мокрая ветка старой берёзы, которая с вечера тревожно билась и скреблась костлявой ладонью в стекло, за ночь обросла короткой искристой шёрсткой. Сквозь неё трогательно просвечивает коричневая кожица молодых веточек. Безвольно повисшие кисти чуть подрагивают, будто зовут полюбоваться игрой розовых и сиреневых отсветов своей нарядной шубки.

Кася взвизгнула от восторга, напрочь забыв, что она давно не маленькая девочка, а уже целый месяц студентка медицинского университета. И, как была — в ночной рубашке, босиком, с выбившимися из косы каштановыми прядями-пружинками, — слетела по лестнице с мансарды в прихожую. А оттуда, звонко шлёпая по деревянному вощёному полу, побежала в кухню.

В столовой, правда, ей пришлось немного притормозить. В углу между фасадной стеной и «мужской лавкой» — Красный Кут. Это душа дома: три угловые полочки одна над другой, на которых строго по местам своего владычества обитают Кумиры Богов. На нижней, самой широкой, сразу за маленькой масляной лампой и продолговатой тарелочкой-дароносицей со свежим блином — Бог Род и Боги Прави. На средней — Боги Яви. А на самой верхней — Боги Нави. Под Кутом, на деревянном кругляше, стоит сноп овсяных колосьев, перевязанный широкой красной лентой.

Пройти и не поприветствовать Богов — невежливо. Кася старательно успокоила дыхание и пригладила волосы.

— *Боги мои Родные!* — Она протянула к Кумирам руки и почувствовала лёгкое покалывание в ладонях. — *Похвалу несу вам и прошу благословения: прожить этот день по Прави во благо себе, своему роду и всему Мiру. Да будет так!*

Кася хлопнула в ладоши над головой. Всё это, конечно, не по правилам. Но Боги, как никто, поймут! Какие могут быть правила, когда за окном такая красота? И хочется поскорее поделиться восторгом со всем светом! А в первую очередь — с бабушкой, которая обязательно оценит всю тонкость и изящество пейзажа за окном.

— Ба, ба! Ты видела?!

Ирина Пална — так звали бабушку Каси — стояла возле печи. Она подняла на внучку тёмно-васильковые глаза и улыбнулась. По её доброму лицу разбежались чуть приметные смешливые морщинки. Стремительным движением разогнав по дну сковородки жидкое тесто, Ирина Пална пристроила её в печь.

Кася разом охватила аппетитную картину утренней кухни. Угли бросали жаркие отсветы из раскрытого устья. Вторая сковородка с уже румяным блином шкворчала на трёхногой подставке на загнётке. Рядом, на шестке, мостились большая тарелка с готовыми блинами и глиняная маслёнка.

— С добрым утром, моя радость! Как спалось тебе, почивалось? — не отрываясь от священнодействия над сковородками, проворковала бабушка.

— Хорошо, ба! С добрым утром!

Кася глянула в кастрюльку с тестом, потянула носом и зажмурилась от удовольствия.

— М-м-м-м... Алабашники?

— Они самые, — с нежностью разглядывая розовое со сна радостное лицо внучки, подтвердила бабушка.

Эти блинчики на опаре из ржаной муки, с дымком и непередаваемым привкусом, который бывает у любой еды из печи, Кася обожала больше всех лакомств на свете. Но такое водилось только у бабушки с дедом.

Её родители разжигали иногда печного монстра для обогрева в безветренные дни ради экономии заряда аккумулятора. Мать Каси предпочитала электроплиту и микроволновку. Сама Кася — старенький, но ещё исправный молекулярный синтезатор. Хотя родители и говорили, что он не для еды. Но это они не пробовали волованы с грибами и курицей — чем бы эти штуки ни были с химической точки зрения. А папа вообще не касался готовки. И в случае чего его кулинарные фантазии осуществлял робот-компаньон, доставшийся родителям по случаю.

— Соскучилась по домашненькому?

— Очень, ба! — Кася зачерпнула пальцем тесто со стенки кастрюли и шустро засунула его в рот. Сырое! Кто ж этого не любит, если украдкой и понемножку?

Ирина Пална со смехом покачала головой. Мол, всё вижу: большая девочка, а ведёшь себя как маленькая.

— Чего ни свет ни заря прискакала, босоножка? — Пристроив очередную сковородку на таганок, бабушка приобняла Касю тёплой рукой и поцеловала её в кудрявый висок.

Кася в ответ звонко чмокнула бабушку в щёку и вдохнула её родной уютный запах. Ей сделалось необыкновенно хорошо и спокойно, как всегда бывало в этом доме.

— Снег выпал. Ты видела?

— Да что ты? — притворно удивилась бабушка. — Уже?

— Такая красота!

— погоди, сейчас отодвину сковородки от огня подальше, и пойдём смотреть.

Бабушка ловко сместила таганки с углей на камень загнётки.

— Теперь не стоят, — себе под нос сказала она и подошла к окну, где Кася уже раздвинула занавески во всю ширь.

— Да-а-а... Красота... Через сорок дней ляжет постоянный снег, примерно числу к десятому Грудень-месяца, — прикинула бабушка. — Рано в этом году.

— А я о чём? Я как увидела, так обалдела!

— Фи, Кася! Что за «обалдела»?

— Ну, восхитилась.

— Вот так-то лучше. Чувствуешь разницу? — Бабушка любовно оглядела смеющееся лицо внучки, усыпанное задорными конопушками.

— Ба, ну я же просто так. — Кася обвила руками бабушкину шею и заглянула ей в лицо. Нет, бабушка не сердилась: в её глазах скакали озорные огоньки.

— Просто так — это для тех, кто просто так, — стараясь быть серьёзной, продолжила бабушка. — А со словами в нашем семействе, сама знаешь, играть чревато. Ты же помнишь, чья ты внучка, да?

— Помню-помню, конечно. Как такое забудешь?

— Вот и славно. — Бабушка ласково провела по Касиным волосам крепкой ладонью. — Иди одеваться, будем завтракать. Мы вдвоём сегодня.

— А дед?

— Обещался к обеду, — возвращаясь к печи, через плечо бросила бабушка.

Дед Святослав Алексаныч, как его уважительно звали в деревне, обычно уходил в лес ещё затемно. Здороваться с зарей, как он говорил. Чаще всего он возвращался уже к завтраку. Но порой и к обеду, это смотря какой день.

Кася по пути к своей светёлке завернула в дедову библиотеку и заглянула в его рабочий календарь, висевший возле застеклённой в прямую решётку двери. Там скупо стояло:

1 Листопада, Молод Мисец

Обретение л. и с. счастья, деньги, люб. и здор., исп. ч. Обереги! Зах. Кашин, 11.30, Горлышевская.

Получалось, дед после Капища, на котором он здоровался с зарей, отправится к какому-то Страждущему Захару Кашину в соседнее село. И поэтому вернётся только к обеду. А если больше никто к ним не явится с какой-нибудь неотложной надобностью, то остаток дня он проведёт дома.

Значит, можно будет сразиться в шахматы и поболтать. А заодно аккуратно вывести то, что занимало Касю последнее время: возьмут ли её дед с бабушкой в обучение чародейству сейчас, до её полного совершеннолетия, пока ей ещё нужно согласие родителей.

Она даже ради этого разговора выпросилась сюда на три дня раньше официального праздника проводов Водяного и Лешего. Терять почти два года до наступления двадцать первого дня рождения — ужасно обидно.

Только мама ни за что не согласится — Кася это отлично знала. Она и в этот-то раз отпустила дочь в деревню со скрипом. Касе пришлось её два дня уговаривать и улещивать, пока та, наконец, не сдалась под обещание вернуться в среду к началу занятий и вести себя паинькой.

Вся в мыслях о том, как бы половчее поговорить на эту болезненную для всех тему, она поднялась к себе. Из радиоточки бодро звучал поморский гимн. После него послышался позывной их местной сети. И густой дедов голос заговорил размеренно и плавно:

— Здраве и живе, мои дорогие! Нынче молод мисяц...

Кася ткнула кнопку на плоской коробочке радиоточки. Дед вчера записывал этот текст при ней, пока она сидела в его кабинете и изучала последние страницы обрядового календаря на этот год.

Кася приняла душ, старательно вычистила зубы, наскоро расчесала и заколола в шишку гриву выющихся, вечно путающихся волос. Оставалось последнее: решить, в чём спускаться к завтраку.

Из чемодана, который так и не был распакован со вчерашнего вечера, Кася достала свежую майку и длинные, просторные штаны. Повертев их туда-сюда, она поняла, что вещи однозначно просят утюга. Бабушка в таком виде за стол не пустит — даже нечего и думать.

Вместо них она вытянула из середины чемодана трикотажное тёмно-синее платье. Только оно и выглядело более-менее прилично. В нём Кася отправилась завтракать, предвкушая утренний девичник с обожаемой бабулей. С ней тоже надо поговорить, но уже на другую тему.

Впереди маячил Покров. Подружки — и в городе, и здесь, в деревне — звали её на гадания. А после них предполагалось идти на «бесёду». Только в спартанско-деловом гардеробе Каси не было нарядов для народной гулянки. И она крепко надеялась на бабушкину помощь. Может, подскажет что. А может, и поделится чем-нибудь из своих запасов. Но не тут-то было!

В столовой за столом, уже накрытым свежей скатертью, сидел Касин отец.

— Папа? — удивилась Кася.

— Гостей спозаранку кормите? — вставая навстречу дочери, весело отозвался тот и раскрыл руки для объятий. — Ну здравствуй, Котенька! Не скучаешь тут с дедами?

— Ты откуда? — Кася повисла у отца на шее. — Ты один?

— Из дома, вестимо. Один, мама в городе.

— Останешься до завтра?

— Нет, Котенька, у меня срочное дело к деду. Вот дождусь и сразу назад. Завтра с утра рано вставать.

Кася разочарованно вздохнула. Её родители работали в городской обсерватории и в последнее время часто пропадали там, так что она с ними почти не виделась.

— Ну хоть до вечера... Воскресенье же...

— Кася, не канючь! На праздник приедем сюда все вместе, с мамой, обещаю. Или давай со мной домой? А?

— Домой? Ну нет! Раз приехала на проводы, значит, останусь.

— А то без тебя Водяного с Лешим не ублажат, — потёрся папа носом о нос Каси, будто она маленькая девочка.

— Мне ж это важно, — проговорила Кася. — Ты знаешь.

Отец разнял руки дочери и вернулся за стол. Кася примостилась рядышком. Тут вошла бабушка с блюдом алабашников.

— Что ж, будем гостя потчевать и сами покушаем, — радостно сообщила она. — Давай, внуцка, покличь Егора с Кондратом к столу, пора помощникам сделать перерыв. Да возвращайся помогать на стол собирать. Не застревай там у нашего зверинца.

Кася выпорхнула из столовой, хлопнула дверью в прихожей.

— Я тоже помогу, — поднялся было отец.

— Не-не! Ты, Володя, гость, тебе положено отдыхать с дороги. Так что сиди.

Кася вернулась из сеней:

— Не нашла никого... — огорчённо сообщила она.

— Ну, значит, позже поедят, — ответила бабушка из кухни.

Кася пошла к ней и тут же вернулась с вазочкой сметаны в одной руке и такой же вазочкой, но с вареньем, в другой.

— Икры не будет, — сказала она отцу. — Дядька Егор сказал, что в этом году лишнего не было, всё пустили в развод. А ту, что старые консервы, мы поели уже.

— Это хорошо, — ответил отец.

— Чего ж хорошего? — удивилась Кася, доставая из буфета десертные тарелочки и расставляя их по столу. — Ты с икрой любишь, я знаю.

— Значит, под Куполом, который прошлой зимой расширили по Северной Двине, уже достаточно почистили для мальков. Это-то и хорошо.

— Да-да, — подтвердила бабушка, опуская на стол селёдочницу с кусочками трески, томлёной в сливках с луком. — Почистили. Всю весну они с дедом бились тут вместе. Только Ведарей было человек десять. И других рабочих — тьма!

— Да откуда ж столько набрали? Я слышал, что большую работу сделали, но чтобы ценой таких усилий...

— Так вот! Эксперимент был, как муж сказывал. Теперь везде будут так. Народ в кучу собирать и быстро восстанавливать.

— Вот как? — удивился папа. — Значит, собрал-таки Святослав Алексаныч артель, как и обещал... Ну дела...

— А как же! — Ирина Пална величаво повела плечом. — Даже с Таймыра один был. Белый, старый, но ещё такой бодрый. Знавал бабушку Святослава Алексаныча, между прочим.

— Таймыр, значит, выжил?

— Говорят, частично, — вздохнула Ирина Пална. — Там же и наши Ведари живут, и шаманы. У них свои секреты.

— А у нас-то что ж в итоге?

— Ну что-что? Деактивировали, оживили, наладили всё. Сам, если хочешь, посмотри. Недалеко тут.

— И проходную стерлядь даже стали разводить, — подала голос Кася. — К следующему году обещали нам икры уже нашей, свежей, вместо этих столетних банок из Медвежьегорска.

— Оптимистичные обещания. Но я бы не стал рассчитывать.

— Отчего так? — удивилась Ирина Пална.

— Так к весне мы ещё больше расширимся, и потребуется ещё больше мальков и сеголеток. А те, которых сейчас вывели, к следующему году будут всего грамм по двадцать. Да и то только половина выживет.

— Печальная история, — огорчилась Ирина Пална. — Но мы доверимся тебе, как семейному рыбоводу.

— Да... давно это было, — смутился Владимир.

В семье знали: его родители с родственниками разводили осетров. И раков. Из-за этого рыбного бизнеса Касин папа лишился почти половины семьи в конкурентных разборках в пятидесятые.

— А дядька Егор говорит, у нас здесь с сёмгой пока никак не сладят, — поспешила замять неловкость Кася.

— Это правда, сёмужка то болеет в нашем питомнике, то и вовсе мрёт, — поддержала внучку бабушка. — Никак к ней ключик не подберут. И ведарям пока не до рыбы.

— Дело наживное, — уверенно ответил отец, макая алабашек в сметану и озорно подмигивая дочери. — Наладим нашу жизнь, Котька, нала-а-адим. Ещё и жемчуга пойдут по мелким нашим речушкам, как, говорят, до плотин и бумажных комбинатов водилось.

Какое-то время за столом было слышно только позвякивание посуды, довольное причмокивание да похвала алабашам и бабушкиному мастерству. Наконец все наелись и напились чаю с вареньем.

— Вот тут в самый раз был бы домашний робот, — мечтательно сказал Владимир, потягиваясь и закидывая крепкие жилистые руки за голову.

— Ты ж знаешь, Володя, дед не любит эти железки во дому, — сказала Ирина Пална.

Она была бы не против, но муж на дух не переносил электронику последних поколений. Так что даже стиральная машина у них была не самой новейшей из сохранившихся моделей.

— Дед говорит, вся такая техника обменивается сигналами и пытается что-то передать наружу, — вставила свои пять копеек в разговор взрослых Кася.

— Пытается, но не может, — парировал отец. — И не сможет, потому что Купол многократно дублируется и регулярно подновляется. Каким-то сплетникам-пылесосам и тостерам пробить такую конструкцию точно не под силу.

— А если снаружи кто-то пробьётся к ним?

— И это маловероятно.

— Ну а вдруг? Или те, кто выходит в рейды за Купол, вынесут с собой что-то такое?

— Что например? — рассмеялась бабушка. — Кухонный комбайн?

— Ой, ба! Скажешь тоже. Информацию же при желании можно и в телефоне спрятать.

— Полагаю, перед выходом спасатели проходят контроль тамошних Ведарей, — как-то уже не так жизнерадостно ответил папа.

— Ты уверен? — Кася многозначительно приподняла брови, почувствовав эту его слабость. — Тогда что они такое собирают по нашим домам и передают друг дружке? Наш ФеФа, например? А может и мой мобильник! И главное — зачем?

— Давай лучше, ребёнок, посуду соберём, — отшутился отец. — И передадим её бабушкиной посудомойке.

— Не уводи тему, — обиделась Кася. — Я уже не маленькая.

— Не маленькая, конечно, — ласково вмешалась в разговор Ирина Пална. — Поэтому берём, как взрослые, тарелки-чашки в руки и несём мыть.

С этими словами она встала и начала собирать в стопку грязную посуду. Кася подхватила блюдо с оставшимися алабашниками и скрылась в кухне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.